

© 2020. М. И. Щербакова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

**О коллективном труде Отдела русской
классической литературы ИМЛИ РАН
«Святитель Феофан, Затворник Вышенский.
Исследования и материалы»**

В статье представлен анонс готовящегося в Отделе русской классической литературы ИМЛИ РАН коллективного труда, посвященного изучению наследия святителя Феофана (Говорова), который включит новейшие материалы, относящиеся к событиям жизни и литературному, духовному наследию святителя Феофана, творческой истории его творений. В качестве примера в статье приводится фрагмент исследования маргиналий на страницах восьмого выпуска афонского издания «Собрания писем Святителя Феофана» (1902). Этот экземпляр принадлежал корреспонденту преосвященного — схимонахине Феофании (Александре Ивановне Кутушевой, Беличке), ныне он хранится в семейном архиве ее внучатого племянника А. Д. Кутушева. Пометы в книге сделаны самой владелицей, ее братом И. И. Кутушевым и племянницей О. И. Кутушевой. Это авторитетный и богатый источник для составления реально-исторического комментария к письмам свт. Феофана и для атрибуции смежных документов. Маргиналии Кутушевых вносят ясность в безнадежные для комментирования случаи, когда невозможно понять, о ком или о чем идет речь. Письма к Кутушевым — пятая часть опубликованного эпистолярного наследия преосвященного. На свои житейские вопросы корреспонденты получали ответы, выходявшие далеко за рамки единичной бытовой ситуации и обладавшие свойством универсальных правил духовной жизни.

Ключевые слова: Святитель Феофан (Говоров), духовное наследие, Кутушевы, эпистолярный, маргиналии, реальный комментарий.

Информация об авторе: Щербакова Марина Ивановна, ORCID 0000-0001-6705-8707, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069, г. Москва, Россия

E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

Дата поступления: 02.04.2020

Дата публикации: 17.06.2020

Для цитирования: Щербакова М. И. О коллективном труде Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН «Святитель Феофан, Затворник Вышенский. Исследования и материалы» // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 244–269. DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-244-269

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2020. Marina I. Shcherbakova

A. M. Gorky institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

On the collective work of the Russian Department classical literature of Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences “Saint Theophanes the Recluse of Vysha. Research and materials”

The article presents the announcement of a collective work being prepared at the Department of Russian Classical Literature of Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences dedicated to the study of the heritage of Saint Theophanes the Recluse (Georgy Govorov), which will include the latest materials related to life events and the literary, spiritual heritage of St. Theophanes, the creative history of his creations. As an example, the article provides a fragment of the study of marks made in the margins of the eighth issue of Athonian edition of “The Collection of Letters from St. Theophanes” (1902). This copy belonged to the correspondent of the Right Reverend — nun Theophania (Aleksandra Kugusheva, Belichka) who had taken strict vows; now it is stored in the family archive of her great-nephew Aleksandr Kugushev. Marks in the margins were made by the owner, her brother Il'ya Kugushev and her niece Ol'ga Kugusheva. This is an authoritative and rich source for compiling a real historical commentary on the letters of St. Theophanes and for the attribution of related documents. The marginalia of the Kugushevs clarify hopeless cases for commenting when it is impossible to understand about whom or what the Saint had written. Letters to the Kugushevs are one fifth of the published epistolary heritage of the Right Reverend. The correspondents received answers to their everyday questions that went far beyond the scope of a single everyday situation and possessed the property of universal rules of spiritual life.

Keywords: Saint Theophanes the Recluse (Georgy Govorov), spiritual heritage, Kugushevs noble family, epistolary, marginalia, real commentary.

Information about the author: Marina I. Shcherbakova, ORCID 0000-0001-6705-8707, DSc in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069 Moscow, Russia

E-mail: m-shcherbakova@mail.ru

Received: April 2, 2020

Published: June 17, 2020

For citation: Shcherbakova M. I. On the collective work of the Russian Department classical literature of Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences “Saint Theophanes the Recluse of Vysha. Research and materials” // Two centuries of the Russian classics, 2020, vol. 2, № 2, pp. 244–269. (In Russ.) DOI 10.22455/2686-7494-2020-2-2-244-269

В Отделе русской классической литературы ИМЛИ РАН готовится к изданию коллективный труд «Святитель Феофан, Затворник Вышенский. Исследования и материалы». Работа проводится в рамках одного из научных направлений Отдела — изучения русской духовной литературы и патристики XVIII–XIX вв., жизни и творческого наследия русских духовных писателей.

XIX в. в истории Русской Православной Церкви относится к Синодальному периоду и прославлен многими именами: Оптинские старцы Макарий и Амвросий, святители Игнатий (Брянчанинов), Филарет (Дроздов), Феофан (Говоров), митрополит Макарий (Булгаков), архиепископ Иннокентий (Борисов), св. прав. Иоанн Кронштадтский, архимандрит Леонид (Кавелин) и др. Их духовное наследие, представленное в богословских трудах, духовно-нравственных и гомилетических сочинениях, публицистике, дневниках и письмах, по прошествии двух веков не только не потеряло своей актуальности, но обрело очевидную для современного человека ценность — и как подлинное руководство в духовной жизни, и как ключ к пониманию глобальных общественно-исторических процессов.

Полноправно заявив о себе как о явлении отечественной словесности, русская патристика XIX в. не оказалась предметом столь же тщательного научного изучения, как литература светская. Между тем отечественной филологией накоплен богатейший опыт источниковедческих, текстологических, историко-литературных исследований, применение которого не только уместно, но, как показывают отдельные начинания в этом направлении, чрезвычайно результативно.

Исследования и материалы — особый и распространенный в наше время тип научного издания; это свод новейших материалов, относящихся к событиям жизни и литературному, духовному наследию писателя, творческой истории его творений. Такие издания, состоящие, как правило, из регулярно выходящих выпусков, призваны снабжать

научное сообщество результатами последних открытий, связанных с обследованием государственных и частных архивохранилищ, редких книжных фондов, обзорением периодики. Материалом исследований преимущественно становятся письма, дневники и записные книжки, воспоминания и свидетельства современников, а также другие документы эпохи.

Готовящийся труд Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН посвящен выдающемуся русскому духовному писателю — святителю Феофану (Говорову), Затворнику Вышенскому (1815–1894). Наследие свт. Феофана позволительно сравнить с айсбергом, который более века определяет движение на магистральных направлениях изучения духовной жизни России. Хотя сравнение не новое, важна его точность. Среди русских духовных писателей святитель Феофан обладает самым обширным наследием. Изучение этого уникального пласта отечественной словесности в связи с 200-летием свт. Феофана позволило выявить множество нерешенных вопросов и перспективных направлений исследования. Каждый узел биографии святителя представляет самостоятельную тему. В разные годы его жизнь была связана с Киевской Духовной Академией и Киево-Печерской Лаврой, Петербургской Духовной Академией, с Русской духовной миссией в Иерусалиме, русским посольством в Константинополе, Тамбовской и Владимирской епархиями — наиболее обширными на территории России XIX в. Великолепно богословски образованный, имеющий богатый опыт церковно-дипломатической, учебной и административной работы, свт. Феофан в конце 1860-х гг. принял на себя подвиг затвора, в котором провел почти 30 последних лет жизни и создал большую часть своих произведений.

Фигура выдающегося архипастыря встает в полный рост даже при простом перечислении сфер деятельности, в которых он проявил себя. Как духовный писатель свт. Феофан был автором множества трудов: в XIX в. их изданием занимались Афонский Русский Пантелеимонов монастырь, столичные и региональные отечественные типографии, периодические издания — духовные и светские. Как пастырь и педагог свт. Феофан оставил целую плеяду воспитанников в Петербурге, Киеве, Петрозаводске, Новгороде; под его началом выросли многие выдающиеся архиереи Русской Православной Церкви, богословы, педагоги, духовные писатели, государственные деятели; со всем основа-

нием можно утверждать, что в их заслугах перед Отечеством есть доля святителя Феофана.

Эпистолярное наследие преосвященного является важным документальным свидетельством его деятельности в затворе. Известно, что корреспондентами свт. Феофана были как видные деятели эпохи (свт. Игнатий Брянчанинов, свт. Филарет Дроздов, св. прав. Иоанн Кронштадтский, еп. Порфирий Успенский, обер-прокурор А. П. Толстой, духовный писатель А. Н. Муравьев), так и широкий круг современников, принадлежавших к разным сословиям русского общества. Целью представляемого в данной статье труда является не только поиск новых писем, но и комплексная научная обработка опубликованной ранее эпистолярной коллекции: выявление адресатов и определение упоминаемых персон, датировка, реально-исторический комментарий. На основе заново проанализированных писем преосвященного, а также архивных документов возможна реконструкция творческой истории главных книг свт. Феофана (едва ли не с момента зарождения замысла).

Письма к членам семьи Кугушевых составляют пятую часть всего опубликованного эпистолярного наследия святителя Феофана. В поле зрения исследователей оказался уникальный экземпляр: восьмой выпуск афонского издания «Собрания писем Святителя Феофана» (1902). Он принадлежал корреспонденту святителя Феофана — Александре Ивановне Кугушевой; ныне сохраняется в домашнем архиве ее внучатого племянника Александра Дмитриевича Кугушева. На страницах издания много карандашных и чернильных помет: заметки, уточнения, исправления, отчеркивания, подчеркивания и проч. Их анализ дал возможность, во-первых, атрибутировать сами пометы, принадлежавшие разным людям, состоявшим в переписке с Вышенским Затворником; во-вторых, воссоздать широкую панораму жизни семьи, которую окормлял святитель Феофан; наконец, существенно расширить реальный комментарий к письмам преосвященного и оснастить фактографическую базу исследования места и роли духовного наследия святителя Феофана в судьбах России.

Маргиналиям в восьмом выпуске афонского издания «Собрания писем Святителя Феофана» посвящено исследование, включенное в состав готовящегося коллективного труда «Святитель Феофан, Затворник Вышенский. Исследования и материалы». Текст дается в сокращении.

* * *

Начало переписки святителя Феофана с семьей Кугушевых относится к апрелю 1874 г. [Щербакова: 15–16], когда из Вышенского затвора святитель Феофан ответил на письмо помещицы села Берестенки Елатомского уезда Тамбовской губернии княгини Надежды Ильиничны Кугушевой. С годами в число корреспондентов преосвященного вошли дочери Кугушевой — Александра, Анастасия — и младший сын Илья, а также племянницы С. Н. Слепцова и Е. Т. Обухова — к тому времени монахиня Леонида и казначея Аносина монастыря.

Род Кугушевых происходил от татарских князей и был внесен в VI часть родословных книг Пензенской и Тамбовской губерний Российской Империи. Для овдовевшего князя Ивана Васильевича Кугушева (1819–1885) его брак с Надеждой Ильиничной (1828–1900) был вторым. Семья Кугушевых состояла в родстве с такими известными фамилиями, как Барышниковы, Батюшковы, Боде, Боратынские, Геркены, Дельвиги, Нелидовы, Обуховы, Оболенские, Панчулидзевы, Рачинские, Толстые, Черепановы, Энгельгардты, Абамелеки, Шиповы, Жемчужниковы, Чичерины. Отцом Н. И. Кугушевой был вице-адмирал И. А. Боратынский, а мать происходила из Дорогобужской ветви рода Барышниковых — щедрых благотворителей. Двоюродный брат Н. И. Кугушевой — один из самых значительных русских поэтов XIX в. Евгений Абрамович Боратынский. Иракий Абрамович Боратынский — генерал-лейтенант, губернатор Ярославля и Казани, сенатор. Ее родная сестра, Варвара Ильинична, была замужем за Николаем Павловичем Батюшковым, двоюродным братом еще одного выдающегося русского поэта, К. Н. Батюшкова.

О повседневной жизни семьи Кугушевых написала в своих «Воспоминаниях» их внучка, Ольга Ильинична Кугушева: «Женившись, дедушка с бабушкой уехали из Москвы жить в село Берестенки Елатомского уезда Тамбовской губернии. Дедушка сразу же занялся перестройкой дома — маленького, одноэтажного. По просьбе жены Иван Васильевич начал строить большую церковь в честь Успения Божией Матери — строительство заканчивал уже мой отец. Жизнь захватила бабушку и понесла стремительным потоком. А утешение в скорбях она находила в Боге. Любила странников. У нее часто бывали духовные лица. Любящая жена и мать, бесконечно преданная своим близким, она стремилась создать уютный и мирный дом. Надежда Ильинична нахо-

дит себе духовного отца. В сорок восемь лет она открывает всю свою жизнь в письмах к затворнику епископу Феофану (Говорову). Бабушка вообще вела строгую христианскую жизнь. Посещала Саровскую пустынь, была в Арзамасе, в Аносинской пустыни, Шамордине и других святых местах. И в Вышенской пустыни для нее бывать всегда было радостью. Духовная жизнь ее возрастала, особенно, конечно, благодаря письмам епископа Феофана. Когда выросли дети, святитель и их наставлял — особенно девочек. Бабушка в пятьдесят семь лет осталась вдовой. Она продолжала заботиться о детях <...>, всех бабушка воспитала православными, преданными России людьми, родину любившими беззаветно»¹.

После блаженной кончины святителя Феофана в январе 1894 г. редакции журналов «Душеполезное чтение», «Христианин», «Душеполезный собеседник» специально обратились к читателям с просьбой присылать сохранившиеся у адресатов письма преосвященного. «Из прошлых и настоящей книжек “Душеполезного чтения” читатели уже имеют некоторое понятие о жизни в Бозе почившего преосвященного Феофана “на покое” и “в затворе”. Чтобы представить эту жизнь со всевозможной обстоятельностью, Редакция обращается с покорнейшею просьбою ко всем, имеющим письма от почившего Святителя, сообщить ей с них копии, если нельзя прислать самых писем» [Душеполезное чтение: 296].

В результате почти две тысячи писем святителя Феофана было опубликовано на страницах церковных периодических изданий. Письма к Кугушевым публиковались в журнале «Душеполезное чтение» не все сразу, а частями, блоками. Имена адресатов были скрыты за инициалами. Нетрудно расшифровывались такие, как «К княгине Н. И. К-вой» — 53 письма к Надежде Ильиничне Кугушевой, «К князю Илье И. К-ву» — 33 письма к Илье Ивановичу Кугушеву. По аналогии расшифровывается: «К Н. И. К.» — 193 письма к Надежде Ильиничне Кугушевой. К ней же 69 писем, объединенных в блок «Н. И. К.», и 5 писем в публикации «Еще письма к Н. И. К.». По содержанию 24 писем «К г-же Н. Н.» определяется их адресат — также Н. И. Кугушева. Шутливые прозвища дочерей Н. И. Кугушевой Александры (Беличка) и Анастасии (Черничка) ясно указывают на адресатов 18 «Особых писем к Беличке» и «Двух писем к Черничке». Сложнее оказалось установить,

¹ Из архива семьи Кугушевых.

кому написаны 103 письма «К Е. С. В.» и одно к «В. С. Д.». Основываясь на содержании писем, уверенно можно сказать, что их адресатами были Анастасия Ивановна Кугушева (Черничка) и София Николаевна Слепцова (Московская Премудрость) [Щербакова: 73–75].

В 1898–1901 гг. Афонский Русский Пантелеимонов монастырь принял первое книжное издание писем святителя Феофана. В восьми выпусках были объединены избранные журнальные публикации. Письма к Кугушевым заняли в афонском издании особое место.

В семье правнука Н. И. Кугушевой — Александра Дмитриевича Кугушева — сохраняется экземпляр восьмого афонского выпуска «Собрания писем Святителя Феофана». На обложке год издания — 1902; на титуле — 1901. В правом верхнем углу титульного листа владельческая отметка чернильным карандашом: «С. М. Феоф.»; ниже расшифровка рукой Ильи Ивановича Кугушева: «схимонахини Феофании (“белички”)».

О схимонахине Феофании Ольга Ильинична Кугушева писала в своих «Воспоминаниях»: «Это моя родная тетя (сестра моего отца)... Воспитывалась и росла в тихой патриархальной мелкопоместной дворянской семье. Была красивая, веселая»¹. Овдовев, в декабре 1901 г. А. И. Кугушева поступила на испытание в Леснинский Богородицкий женский монастырь Холмской епархии. Здесь и проходила свое десятилетнее испытание Беличка. Монашеский постриг инокиня Александра приняла в 1912 г. 14 сентября, на Воздвижение Креста Господня — сугубо почитавшийся в Леснинском монастыре праздник, когда произошло обретение чудотворной Леснинской иконы Божией Матери в 1683 г. Вскоре, 7 мая 1914 г., в самое преддверье Первой мировой войны, монахиню Феофанию перевели в Московскую Покровскую общину сестер милосердия; к 1916 г. — в подмосковный Серафимо-Знаменский скит близ села Битягово.

Воспоминания о своей тетушке Александре Ивановне Кугушевой — Беличке, монахине Феофании — О. И. Кугушева закончила так: «Великая Отечественная война отдалила тетю Сашу от нас; и ее молитвы и слова все же остались. Скит был разрушен... Она проживала в г. Ногинске (Богородске) под Москвой. Отец и мать и я навещали ее и снабжали чем могли. Жила она у Моториных, ходила в собор, и я, когда приезжала, ходила с ней на богослужение. Она мне твердила: “Жизнь

¹ Из семейного архива Кугушевых.

тяжелая, но ты, Оля, больше смотри на небо и будь счастлива». Умерла она в 1943 г., когда цвела сирень, и отец мой привез веточку сирени от ее могилы. Оставила мне икону преподобного Серафима и свои записи, книги, четки (они до сих пор благоухают ладаном — деревянные, переплетены проволокой — и этот аромат до сих пор сохранился). Она была рукодельница, вышивала, стегала одеяла, вязала кофты, ее руки все время трудились. Вечный покой моей милой тете Саше — схимонахине Феофании¹.

Афонское издание с пометами схимонахини Феофании перешло к ее брату Илье Ивановичу Кугушеву. В свою очередь и он, перечитывая письма святителя Феофана, добавил пометы и пояснения. Хранительницей и собирательницей семейного архива стала со временем Ольга Ильинична Кугушева. Ее пометы на страницах книги основаны на рассказах старшего поколения.

Маргиналии схимонахини Феофании, ее брата Ильи Ивановича Кугушева и племянницы Ольги Ильиничны составляют особую ценность этого экземпляра «Собрания писем Святителя Феофана». Подчеркивания и отчеркивания на полях, внесенные в текст исправления, замечания и пометы между строк, внизу страниц, на полях и др. проясняют смысл многих реалий, раскрывают имена, играют роль комментария и являют собой тот редкий случай, когда комментарий получен «из первых рук».

Атрибуцию писем «К Н. И. К.» (193 письма) как писем святителя Феофана к Надежде Ильиничне Кугушевой подтверждают, во-первых, пометы Белички в Оглавлении восьмого выпуска: «К моей матери. М<онахиня> Ф<еофания>». На начальной странице блока «К Н. И. К.» [Собрание: 3], в левом верхнем углу: «К моей матери» и тщательно стертая, но с читаемыми первыми буквами: «Над», т. е. «Надежде Ильиничне Кугушевой». В Оглавлении к письму № 1303 «Посетительнице Выши. Ответ о поездке в гости к Беличке» пояснение И. И. Кугушева: «Дочь Н. И. К.».

Блок «Еще письма к Н. И. К.» (5 писем) также отмечен пояснением владелицы книги: «К моей матери. С. м. Ф.». Поскольку в корпусе издания разделы не поименованы, то над пометой схимонахини Феофании сделана еще одна надпись черными чернилами, предположительно И. И. Кугушевым: «К Н. И. К.».

¹ Из архива семьи Кугушевых.

Кугушевский экземпляр афонского издания писем святителя Феофана пережил все испытания XX в. На нем остались рубцы тяжелых лет репрессий, когда княжеский титул семьи, во избежание суровых преследований, надо было скрывать. Тщательно, до дыр схимонахиня Феофания вымарала опасные места. Такие обмолвки, как «Кн. Н. И. К.» [Собрание: 74], «Княгинюшка!» [Собрание: 108], «Княгиня» [Собрание: 153], «у княгини» [Собрание: 161], подверглись беспощадному уничтожению. Рядом рукой И. И. Кугушева позднее были восстановлены инициалы «Н. И. К.».

Обширный блок опубликованных писем святителя Феофана к членам семьи Кугушевых включает и «Два письма к Черничке» [Собрание: №№ 1413 и 14143]. На полях первого — помета схимонахини Феофании: «Сестра моя Анастасия»; здесь же пояснение И. И. Кугушева: «Беличка писала» [Собрание: 152].

Также в восьмой выпуск «Собрания писем Святителя Феофана» вошли «Особые письма к Беличке» [Собрание: №№ 1415–1432]. В Оглавлении их границы помечены на полях рукой схимонахини Феофании: «С. М. Ф.» и И. И. Кугушева: «Конец писем к Беличке». А в корпусе рядом с первым письмом блока схимонахиня Феофания написала: «Начало писем»; чуть выше уточнение И. И. Кугушева черными чернилами: «К Беличке» [Собрание: 153].

О дочерях Н. И. Кугушевой Александре и Анастасии святитель Феофан впервые упоминает в письме от 20 ноября 1874 г.: «Благослови, Господи, причаститься вам св. Христовых Таин в обновление вашего духа. Умницы и красавицы ваши, что вместе с вами готовятся к сему преспасительному делу. Да утвердит Господь сей обычай в них навсегда» [Собрание: № 1221, 5]. Против этих строк на полях пояснение И. И. Кугушева: «Беличка и Черничка».

Святителем Феофаном нередко писались двойные письма: в одном письме он поочередно обращался к разным адресатам. Такое письмо, отправленное в Берестенки Кугушевым, вошло в афонское издание и включено в блок «Особые письма к Беличке». И. И. Кугушев, обнаружив неточность, пометил письмо № 1421: «Н. И. К.». Ошибочная атрибуция объясняется первой фразой письма, которую издатели приняли за обращение. На самом деле святитель Феофан пишет Н. И. Кугушевой о дочери Александре и зяте: «Беличке Божие благословение! Если они находят, что около вам им покойнее будет жить, даруй им Господи

устроиться, по желанию своему. Сорадуюсь счастью их... Да продлит Господь его до конца жизни. Что деток нет, конечно скучно... Но надо это предать в волю Божию и Ему поклониться... Может быть придет срок, — и дети будут. Благослови Господи всех вас. Ваш богомolec Е. Феофан» [Собрание: 159].

Обстоятельства жизни Белички в силу ее живой и деятельной натуры быстро и неожиданно менялись. По этой причине практически невозможно прокомментировать строчки из не датированного письма святителя Феофана к Н. И. Кугушевой: «Беличку вашу благослови Господи на новый путь. Прекрасное решение! Там она найдет сладкий покой. Трудно бывает иногда, но самый труд имеет в себе источник утешений» [Собрание: № 1240, 19]. Подсказка — на полях письма рукой схимонахини Феофании: «В сестры милосердия». Еще письмо — из блока «Особые письма к Беличке»: «Обеими руками благословляю вас на избранный путь. Ничего нет лучше. Увидите, как страдания больных сжимают сердце, — и тотчас какое утешение приходит в сердце, когда успеете как-нибудь успокоить кого-либо из них» [Собрание: № 1417, 155–156]. К слову *путь* И. И. Кугушев сделал сноску: «сестры милосердия». Объяснен младшим братом и другой поворот судьбы Белички, о котором в письме к ней писал святитель Феофан: «Благослови вас Господи на образ жизни, который всегда и воображался вами как лучший» [Собрание: № 1418, 156]. Между строк вписано: «Замужество» [Собрание: № 1418, 156].

О замужестве Белички в «Воспоминаниях» ее племянницы, Ольги Ильиничны, краткая запись: «Вышла замуж за Рогожина, детей у них не было. В разгар жизни он внезапно скончался»¹. Решение о замужестве оказалось для святителя Феофана новостью: «Свадьба! Благослови Господи! — написал он 7 сентября 1881 г. Н. И. Кугушевой. Но как же это, не распознавши, что за жених, отдавать красавицу Беличку, особенно когда верные есть вести, что охоч покутить. Хоть слово “при случае» не означает кутилу. Но кто знает, может быть, свидетельство о сем дошло до вас в смягченном виде? — Мне думается, что вы лучше сделаете, если не поспешите, и окончательно решитесь, когда наверное узнаете, что выдать — безопасно. Вам, конечно, это дело лучше знать. Я говорю только по общему порядку. От всей души желаю счастья умнице Беличке. Иконка стоит на престоле, и завтра

¹ Из семейного архива Кугушевых.

литургию простоит. Буди она осенением ей от всех житейских бурь» [Собрание: № 1295, 58].

Но житейские бури не прошли мимо Белички. При чтении писем святителя Феофана в их опубликованном виде в памяти участников и очевидцев событий воскресали подробности пережитого, и на страницах книги появлялись разного рода заметки. «Что зять ваш бросил пить и положил не пить, это хорошее решение. Не пивши ничего, будет всегда свеж и долее проживет. Питье и малое жизнь подъедает, и есть дело немного похожее на медленное *самоубийство*» [Собрание: № 1263, 34]. Последнее слово подчеркнуто. Есть еще одна помета, относящаяся к этой теме: чернильный карандаш схимонахини Феофании как бы скользнул по тексту письма, адресованного Н. И. Кугушевой, подчеркнув всего три слова, за которыми встает горький опыт не только личной жизни, но и судеб страны. «Что пишете о детях, жалости достойно. Но зло разливается... и *зальет бедную Русь*» [Собрание: № 1283, 49].

Предвидя монашескую стезю Александры Кугушевой, святитель Феофан писал ее матери: «А может быть, и она соблазнится, и увлечется черничеством». [Собрание: № 1416, 154]. И. И. Кугушев внизу страницы подтвердил предположение преосвященного карандашной записью: «Беличка после смерти еп. Феофана поступила в монастырь и умерла схимницей с именем Феофании. И. К.». В не датированном письме к Н. И. Кугушевой есть и такие строки, также отмеченные на полях рукой схимонахини Феофании: «Умница Беличка — чего ради себе не вздумает, все оставивши, поискать покоя в Господе Иисусе Христе, в Коем все сокровища, душу удовлетворяющие, сокрыты» [Собрание: № 1341, 96]. На поля вынесены уже знакомые инициалы: «С. М. Ф.». В тексте еще одного письма к Н. И. Кугушевой святитель Феофан так объясняет происходящее с Александрой: «Беличка сама не знает, чего хочет. Душа ее ищет лучшего, Богом будучи возбуждаема; а она ищет худшего: ибо думает найти его вне Бога, где не лучше, а хуже. Бога надо ей взискать, к Богу прилепиться, и душа успокоится, насытись всеобъемлющим благом. А она не знает куда очи свои обращает. У ней есть смысл большой и сила воли немалая. Почему не рассудить и не найти сего должным, — а потом топнуть ногой, — и конец всем расчетам» [Собрание: № 1285, 50–51]. Время обнаружило всю глубину слов преосвященного. Оглядываясь на свою жизнь, схимонахиня Феофания отметила их в книге чернильными крестиками.

Маргиналии раскрывают упоминания и о других членах семьи, имена которых важны при комментировании писем.

Имя третьей дочери Н. И. Кугушевой — Марии Ивановны — не названо ни в одном из опубликованных писем святителя Феофана. При этом с ее смертью связаны шесть писем¹, отправленных с Выши в феврале и марте 1879 г. На полях одного из них, не датированного, схимонахиня Феофания написала: «14 л. дочь Мария умерла в институте от тифа». Помета относится к утешающим словам святителя Феофана и дает ключ к пониманию их реального контекста: «Плачьте, плачьте! В этом ничего нет неестественного и укорного. Диво было бы, если б мать не плакала о смерти дочери. Но при этом надо знать меру: не убиваться и не забывать тех понятий о смерти и умерших, которые даются нам христианством. Умерла! Не она умерла, умерло тело: а она жива, и так же живет, как и мы, только в другом образе бытия. Она и к вам приходит и смотрит на вас. И, надо полагать, дивится, что вы плачете и убиваетесь, ибо ей лучше. Тот образ бытия выше нашего. Если б она явилась и вы попросили ее войти опять в тело, она ни за что не согласилась бы. Зачем же вам вступать с нею в такое разногласие? Желать того, что ей противно? Какая тут будет любовь. Нельзя не пожалеть, что не пришлось вам в последний раз взглянуть в очи ее; последнее услышать слово от нее, последнее дать ей объятие материнской любви... Ну вот и поплачьте. Только все немножко. Телесные ее очи закрылись, а душевными она смотрит: смотрите и вы на нее душою своею. Не воображайте ее в могиле. Там ее нет, там тело ее; а она вне, и теперь, может быть, при вас стоит. Язык ее замолк, но она не лишена возможности говорить вам в сердце. Внимайте и услышите: “Мамочка, не тужи и не убивайся. Я с тобою, и мне очень хорошо!” Отвечайте же и вы ей: “ну, слава Богу, что тебе лучше”. Объятия ее застыли, не прострутся более. Но она собою, как душа, может объять душу вашу и так же тепло, как теплы обычные объятия. Отвечайте же и вы спокойною, не мятущеюся, теплою памятью о ней...» [Собрание: № 1274, 43].

Тяжело переживала смерть Маши и Александра Кугушева. В утешение ей святитель Феофан писал: «Сестра умерла. Слава Богу! — Прав-

¹ Письма, связанные со смертью М. И. Кугушевой публиковались в составе разных коллекций: «Письма к г-же N. N.» (вып. II), «Письма к княгине Н. И. К-вой» (вып. V) и «Письма к Н. И. К.» (вып. VIII).

да-правда, что ей там лучше» [Собрание: № 1419, 157]. Между строк И. И. Кугушев оставил пояснение: «Девушка 14-ти лет».

Младший сын Н. И. Кугушевой Илья Иванович, помимо того что сам был корреспондентом святителя Феофана, много раз упоминается в письмах с Выши в годы своего детства и отрочества. Все эти места И. И. Кугушев отметил в восьмом выпуске «Собрания писем Святителя Феофана», вписав везде свое имя — Илья: «Мальцу вашему желаю успеха. Но если ему наука не идет в голову, не мучьте его» [Собрание: № 1287, 52], «Что вы хотите отдать младшего сына в известное семейство в Москве, сие не худо. Бог благословит» [Собрание: № 1290, 55], «Спешу вам ответить о сыне. Если он молод, то везите его назад. Пусть еще подрастет. Вы мне не означили тогда года, а сказали только — младший сын» [Собрание: № 1292, 56], «Время ли определить вашего младшего сына? Думается, чем скорее — тем лучше» [Собрание: № 1299, 62], «Мальцу, когда приедет, скажите потихоньку: не слушай брата; он стал немного заговариваться...» [Собрание: № 1383, 128]. Благословляя Илью отправиться на обучение в Муромское реальное училище, святитель Феофан писал: «Святые Муромские повлияют на него своим молитвенным Муромом осенением» [Собрание: № 1470, 227]. Эти слова И. И. Кугушев подчеркнул и отметил на полях: «Верно. И. К-в.».

О главе семьи — позднейшая запись, предположительно его внучки, Ольги Ильиничны Кугушевой. «Да упокоит Господь душу новопреставльшегося раба своего Иоанна!» — написал 15 мая 1885 г. святитель Феофан [Собрание: № 1348, 102]. В книге между строк чернилами вписано: «Иван Васильевич Кугушев». Также в издание вложен листок из ученической линованной тетради с записью тем же почерком и теми же чернилами: «15 мая 1885 умер Иван Вас.». Можно предположить, что черновые заметки делались О. И. Кугушевой для ее «Воспоминаний».

На последней странице восьмого выпуска «Собрания писем Святителя Феофана» И. И. Кугушев записал несколько строк: «Это — “Московская премудрость”, ее считали тогда. Софья Николаевна, урожденная Батюшкова, ее муж Слепцов. Она писала стихи в журнале “Душеполезное чтение” под псевдонимом “Сирофиникиянка”» [Собрание: 228].

Племянница Н. И. Кугушевой София Николаевна Слепцова была единственной дочерью Варвары Ильиничны Головиной (родной сестры Н. И. Кугушевой) от первого брака с Николаем Павловичем Ба-

тюшковым. В 1868 г., выйдя замуж за председателя строительной конторы Министерства Императорского двора П. Н. Слепцова, София переселилась в северную столицу. Но Петербург не стал родным для нее; здесь умерла ее новорожденная дочь. Поэтому, овдовев в 1882 г., С. Н. Слепцова вернулась в Москву. Родная тетушка оставалась самым близким человеком, к которому могла прислониться душа 34-летней женщины, успевшей потерять родителей, ребенка и мужа. Н. И. Кугушева обратилась к святителю Феофану с просьбой духовно поддержать племянницу. Когда преосвященный подробнее узнал о жизни Слепцовой, полушутливо-полусерьезно заметил: «Так вот какая племянница-то?! А я было зашвырнул ее не зная куда. Так она — профессорша премудрая! Пусть же готовится в строгий монастырь, где бы ее игуменья вышколила хорошенько, чтобы она потом могла сделаться и сама игуменьей» [Собрание: № 1300, 62]. «Ваша племянница — сирота кругом, — писал он в другом письме. — Пусть сделается черничкою. И будет покойна» [Собрание: № 858, 135]. Еще одно не датированное письмо святителя Феофана отмечено пояснением схимонахини Феофании. Святитель Феофан писал: «Московская премудрость немного солгала. Писал я ей всего дважды; а в таких случаях нельзя говорить: несколько писем. И если еще напишу, — все же нельзя так говорить. — К ней писать крайне необходимо. Есть надежда наладить ее на игуменство. Не захочет?! Пусть кружится. Ее воля» [Собрание: № 1262, 33]. На полях афонского издания рукой схимонахини Феофании дано разъяснение: «Двоюродная сестра Слепцова».

Здесь же, на последней странице издания, еще одна запись И. И. Кугушева: «Мать Леонида — это Елизавета Трофимовна Обухова, а Лиза — сестра Марии Аркадьевна Муратовой, Елизавета Аркадьевна».

Елизавета Обухова — племянница Н. И. Кугушевой, одна из дочерей ее сестры Елизаветы Ильиничны Обуховой. 21 июня 1883 г. в Аносином женском монастыре Елизавета приняла постриг с именем Леонида. Не случайно в одном из писем к Н. И. Кугушевой святитель Феофан рекомендует: «И у сестры погостить да устроит вам Господь. В Аносин будете ездить. Мне приходило на ум, — не лучше ли вам вместо Москвы поселиться при Аносине?!» В издании И. И. Кугушев в скобках пояснил: «Монастырь женский». В тексте не датированного письма № 1396 святитель Феофан прямо называет племянницу Н. И. Кугушевой: «Писала ко мне мать Леонида — Аносинская казна».

чея. Поминает, что я когда-то писал ей. И когда писал, и что писал, не помню. Спаси ее, Господи! Она имеет сильную ревность о спасении. Да исполнится над нею обетование — изреченное Господом для ищущих! И все ищущие — да обрящут искомое» [Собрание: № 1396, 138]. Здесь, как и на последней странице книги, повторно раскрыто имя монахини Леониды (предположительно О. И. Кугушевой): между строк вписано «Елизавета Трофимовна Обухова».

Лиза и Мария Муратовы, также упомянутые на последней странице книги, — внучки Ивана Васильевича Кугушева, дети Любови Ивановны Муратовой, его дочери от первого брака. Младшая Мария, родами которой умерла мать, с первых дней жизни воспитывалась Н. И. Кугушевой. О ней святитель Феофан писал как о малютке, сиротке; а при публикации писем был оставлен лишь инициал — М. Загадку этой персоны невозможно было бы решить без помощи семейных воспоминаний и свидетельств, в частности, без маргиналий в восьмом выпуске «Собрания писем Святителя Феофана». Одна из них относится к письму, адресованному Анастасии Кугушевой, Черничке. «Благослови вас Господи! — писал святитель Феофан. — Всеусердно желаю вам спокойствия душевного при всех хлопотах. Малютка — утешение вам! Спасайтесь!» [Собрание: № 1420, 158]. На полях схимонахиня Феофания уточнила: «Сиротка племянница». Одно время старшая сестра Лиза жила в доме Александры Кугушевой, но два темперамента так и не смогли поладить. «Лиза-сиротка вас беспокоит и тяготит... Идите к Надежде Ильинишне, падайте в ноги... и упрсите ее — сжалиться над вами и над сироткою, — и взять ее от вас» [Собрание: № 1424, 160], — писал святитель Феофан. К этим строчкам письма два пояснения. «Елизавета Аркадьевна Муратова», — стрелкой указала О. И. Кугушева на Лизу-сиротку; «матери» — сделал И. И. Кугушев карандашную сноску к имени Надежды Ильиничны.

Одно из не датированных писем к Н. И. Кугушевой, приехавшей на Вышу помолиться и причаститься, было передано ей в руки келейником святителя Феофана. Поэтому дата и не была поставлена. Возникшая при этом ситуация раскрыта в самом письме. «Евламний напутал вам. Я хотел перестать принимать записочки и вопросы... от поклонниц приходящих сюда, а мне совсем неизвестных. Не зная их, затрудняешься, что им ответить, — и пишешь большею частью общие мысли... Пишут же они иногда дело, а иногда пустошь. — Но я тут же

и раздумал; потому что какой ни есть, все же ответ дается. Отказ же всегда оскорбителен. Эта моя загадка — ни вас и никого из знаемых не касалась. Извольте на Евлампия епетимию наложить... потому что он против вас погрешил» [Собрание: № 1384, 129]. Карандашная помета над именем дает справку: *келейник*.

Особо отмечены в книге — четкими крестами, уверенно поставленными чернильным карандашом, что было характерно для помет схимонахини Феофании, — рекомендации и советы преосвященного относительно духовной жизни. Одно из таких мест: «Будущее счастье, коим стараетесь утешить себя, какое это? — Здешнее или загробное? — Коли здешнее, то, конечно, от этого нечего ожидать. А если будущее, то не понимаю, как оно может быть неутешительно? — Страждущие и с покорностью пред Богом переносящие свое скорбное житье, то же, что мученики, для коих уготованы такие блага, в сравнении с коими настоящие скорбности и *ноля* не стоят. Напротив, вы лучше сделаете, если чаще будете переноситься туда мыслью и сердцем, в чаянии быть там, наконец, утешенною. Ибо это несомненно вас ожидает, если не станете допускать ропотливости и всегда питать смиренную покорность воле Божией, присуждающей вам то и то...» [Собрание: № 1297, 60]. Пометы такого рода дают возможность представить духовные потребности самой схимонахини Феофании, отражают глубину ее собственного духовного опыта как результата пройденного пути: «Благодумствуйте! И всегда у Господа испрашивайте себе сего дара. С ним не будет никакого горя. Все будет принимаемо как радостное и благоприятное. Тут сила Божия на мирное течение пути в жизни сей, всегда почти стропотном» [Собрание: № 1317, 75]; «Не надо никогда насилловать течения событий; а смотреть внимательно, как они текут, и пользоваться тем во спасение свое» [Собрание: № 1343, 98].

Восьмой выпуск «Собрания писем Святителю Феофану» по составу смело можно назвать кугушевским, ибо из включенных в него 252 писем только 34 адресованы иным корреспондентам преосвященного. Схимонахиня Феофания, читая и эти, «чужие» письма, отмечала важные для себя места. В письме к П. А. Б.: «Но есть способ, как дойти до того, чтоб сомнения совсем не рождались. Мне рассказывал *один*, как его кто-то научил, как до сего достигнуть. Вообрази, говорит, истину, и молись о ней, или ее во время молитвы вращай в уме, и молитвы составляй из ней же. Придет момент, когда истина сия войдет в сердце и обымет все существо души, питая ее и обвеселяя. Это есть сроднение души с истиною; и

после сего сомнения уже не могут колебать ее. Они могут в памяти проходить, но бывают далеки от души, как говор или шепот за стеною. — Так творить меня научил некто. Я стал так делать, и по милости Божией, хоть и грешен есмь, но ум мой плавает в области истины спокойно и утешается ею» [Собрание: № 1462, 209]. Подчеркнув в тексте письма слово *один*, схимонахиня Феофания написала на полях: «О себе говор<ит>». В этом же письме ею отмечена мысль о жизни в Боге как истинной жизни духа, которым обладает человек: «Там только он находит покой, там его рай и обетованная земля» [Собрание: № 1462, 213].

Отмечала схимонахиня Феофания важные для себя мысли преосвященного не только крестами. Ее пометы были и в виде уверенных отчеркиваний на полях тем же чернильным карандашом: «Пока человек держит еще здравые понятия, на него можно еще действовать; а когда он потеряет их и примет превратные, на них нечем действовать, потому что против здравых понятий у них есть не здравые, которые однако ж нравятся им лучше, потому что потворствуют их чувственным страстям» [Собрание: № 1411, 11].

На полях книги схимонахини Феофании много однотипных помет иного характера. Это осторожные, едва заметные прикосновения карандаша — вертикальные черточки длиной не более 3 мм. Их происхождение и назначение определить трудно. Однако отмеченные таким образом отдельные реплики в письмах святителя Феофана складываются в мозаичную картину жизни большой семьи, всех ее членов.

Об Александре Кугушевой: «Беличке даруй Господи полно восстановить силы свои, и начать обычное течение жизни... к Богу — почаще посматривать на конец, который может застать очень неожиданно» [Собрание: № 1345, 100].

О младшей дочери Н. И. Кугушевой Анастасии, Черничке, «утехе вашей» [Собрание: № 1292, 56], очень кратко: «И Черничка заболела. Желая и ей благодушия. Потому что зубная боль самая чувствительная» [Собрание: № 1307, 68], «Беличке масленица ничего, а Черничке она не очень благоприятна» [Собрание: № 1320, 78]; «Черничку спаси Господи. Время ее молодое, потребности души и тела в живом движении. Сколько ей потребно внимания! Но Господь близ, и Ангел Хранитель, и Покров Матери Божией. Да молится убо с воздыханиями, и будет как овечка в прочной ограде. — А материнская молитва да будет как покров, или осенение согревающее» [Собрание: № 1336, 91]; «Болит

по ней душа моя, в желании, чтоб она покрепче утвердилась во внутреннем человеке... Ибо тогда уже никакие волны не могут колебать ее, как твердый утес» [Собрание: № 1338, 94]; «Благодушие Чернички да укрепляет Господь паче и паче! Пусть навькает быть в памяти Божией и памяти смертной. Это два остна, которые сильны возбуждать и самого ленивого» [Собрание: № 1345, 100].

О сыне Павле, сдавшем экзамен и перешедшем в следующий класс: «Избави только его Господи переходить с Божией стороны на вражью» [Собрание: № 1318, 76]. И еще: «Павел ваш — чудо, что ходит в церковь. Нынешних учащихся не затянешь туда на аркане. Такое дурное направление приняло наше учение» [Собрание: № 1386, 130].

О младшем Илье «Благослови его Господи! Две вещи: внимательно слушать толкование в классе... и потом заучивать дома с пониманием. Что непонятно, пусть не стыдится спрашивать у товарищей... и у старших» [Собрание: № 1334, 90].

О племяннице Слепцовой: «Пусть же готовится в строгий монастырь, где бы ее игуменья вышколила хорошенько, чтобы она потом могла сделаться и сама игуменью» [Собрание: № 1300, 62]; «О Премудрости Московской я мимоходом спросил. Очень жаль, если она обьюродует» [Собрание: № 1334, 90]; «Очень рад, что успокоились насчет Московской Премудрости» [Собрание: № 1336, 91].

Известно, что святитель Феофан с энтузиазмом относился к гомеопатии и некоторым другим нетрадиционным способам лечения. Упоминания об этом в письмах также отмечены легкими отчеркиваниями на полях: «Поздравляю с приобретением гомеопатического доктора и с аптечкою. — Теперь всем болезням конец» [Собрание: № 1314, 73]; «Хотите прибегнуть к гомеопатии. Добре! — Слышу, что крупинки многим помогают» [Собрание: № 1328, 84]; «Я слышал, что полезнее, чем кому, гомеопатия для детей, — и для простого народа» [Собрание: № 1329, 85]; «Спрашиваете о молокопитании. Никакого нет греха употреблять в пост, когда того требует состояние здоровья. Даже и бульон можно употреблять» [Собрание: № 1302, 64]; «У меня никакой нет болезни; но я пью молоко и кроме молока даже и воды не беру в рот» [Собрание: № 1408, 147]; «Посмотрите, ныне все доктора за границей настаивают заводить для здоровья растительную пищу. А что с этою пищею долже прожить можно, это давно они толкуют» [Собрание: № 1228, 11]. И как общий итог всем врачебным экспериментам пометой на полях отме-

чены слова преосвященного: «И лекарь не мешает, и преданность Богу нужна» [Собрание: № 1344, 99].

На свои житейские вопросы корреспонденты святителя Феофана получали ответы, как с годами стало понятно, выходявшие далеко за рамки единичной бытовой ситуации и обладавшие свойством универсальных правил жизни на все времена — как подобает жить православным людям. В книге, принадлежавшей схимонахине Феофании, отмечено: «Вместо епитимии пусть идет нездоровье, — только не ропщите, а паче благодарите!» [Собрание: № 1307, 68]; «Пустой сон или не пустой, надо им воспользоваться, чтоб почаще заглядывать в дверь общего исхода. К тому уж идет» [Собрание: № 1309, 70]; «Но умудритесь наполнить все часы дня ваши делами, так чтоб вам все некогда было... и скучанья меньше будет» [Собрание: № 1310, 70]; «Общиться с единокдушными, для взаимного себе поддержания в действовании на пути спасения» [Собрание: № 1312, 72]; «От житейских людей нельзя требовать такой сосредоточенности, какая обязательна для оставивших житейские порядки» [Собрание: № 1310, 70]; «Если случится отшатнуться от тех, кои мало думают о Боге и спасении, жалеть об этом нечего. Общение с ними останется только в житейском порядке» [Собрание: № 1312, 72]; «У вас все прискорбности и прискорбности! Это спасительные Божии врачевства — и свидетельство Божия к вам внимания» [Собрание: № 1313, 72]; «Если хочешь себя Господу посвятить, то незачем тебе водиться с миром, в котором нет духа Христова» [Собрание: № 1316, 75]; «Уповайте на Господа и всегда просите Его заступления, и все у вас будет сходить с рук легко» [Собрание: № 1327, 83]; «Поелику враг лукав и злохитр, — то надо во всем уху держать остро...» [Собрание: № 1329, 85]; «Вопросцы — злая уловка нездравомыслящих! Это то же, что хульные помыслы, всеваемые врагом» [Собрание: № 1330, 86]; «Если захочешь, все сможешь. Ибо если захочешь, взыщешь; взыскав, взмолишься; взмолившись, помощь получишь, — а с сею помощью все возможно» [Собрание: № 1342, 97]. Здесь же афористично краткие формулировки: «Молитва — то, что ум и сердце имеют к Богу» [Собрание: № 1337, 92]; «Сирота — Божие дитя» [Собрание: № 1425, 161].

Своим духовным чадам святитель Феофан давал наставления, исходя из возможностей и условий их жизни: «Говейте и причащайтесь три раза: на первой, на крестопоклонной и на страстной — конечно, если не встретите препятствий» [Собрание: № 1306, 67]; «Хочешь быть ум-

ницею-разумницею?.. Никогда не допускай слабости, чтоб у тебя срывалось что с языка, или прорывалось движение, показывающее, что у тебя на душе есть некая неурядица... Это всегда унижает... и показывает, что ты не умеешь владеть собою» [Собрание: № 1331, 87]; «Тело надо держать постоянно в струнку, как солдат на параде, никак не позволяя себе распускать членов, не только при хождении и сидении, но и при стоянии и лежании» [Собрание: № 1458, 196–197]; «Не мешает, однако ж, иметь в руках четки погрубее, — и как только тело зажеляет себе блажи — или поесть, или поспать, или развалиться на креслах и диване, — угощайте его такими четками по плечам, пока отрезвится» [Собрание: № 1461, 203]. За каждым из этих советов при чтении воскрешались для членов семьи Кугушевых картины ушедшей жизни и появлялось карандашное отчеркивание на полях книги.

Молитве, ее творению, ее великому значению посвящены проповеди, отдельные издания и публикации святителя Феофана. Находясь в Вышенском затворе, преосвященный обращался к своим корреспондентам в письмах, утверждая их в вере и убеждая в силе молитвы, помогая наладить молитвенную жизнь, составить ежедневное молитвенное правило. Каждый такой совет святителя Феофана бесценен; отдавая себе в этом отчет, схимонахиня Феофания и ее родные оставляли маргинальные пометы на страницах восьмого выпуска «Собрания писем Святителя Феофана»: «Молитва никогда не пропадает даром, исполняет ли Господь прошение или нет. По неведению мы часто просим бесполезного и вредного. Не исполняя этого, Бог за труд молитвенный подаст другое что, незаметно для нас самих» [Собрание: № 1406, 146]; «Вечером надо душу вычищать от всего и упразднить, чтоб она осталась пустою с одним Господом. — И тако отходить ко сну. Без этого же не отходить, а потрудиться над собою» [Собрание: № 1456, 194]; «Когда я писал вам ночью больше молиться, то разумел молитву пред сном; а когда просыпаетесь и молитесь лежа, это не худое дело, а добрый замен пустых мечтаний, в промежутках сна. Хорошо знать на память несколько Псалмов, чтоб читать их в эту пору» [Собрание: № 1378, 124].

Также и о молитвенном состоянии: «Дух наш восстанавливается благодатию Божиею в силе противостоять влечениям к земле со стороны души и тела. Он и восстановлен уже в христианах. Но невнимание к нему и к делу его делает то, что земное успевает увлекать нас и как туманом заслонять небо. Лучший способ как подкреплять дух наш, в его борьбе с ду-

шою и телом при влечениях к земному, есть память об исходе и о последующем за ним суде и предрешении участи нашей. Потрудитесь поставить себя в состояние умирающей сейчас и сейчас имеющей предстать на суд и вместе с тем возбудить соответственные тому чувства и смотрите, что будет? Полагаю, что все нити земные этим будут порваны и в сердце останется одно вопияние: “о Господи! Спаси же!” Научите сему и Н... Ничто так не оживляет страха Божия, со всеми плодами его, как поставление себя в сие состояние и возчувствование того. Надо теребить свое сердце разными возбуждательными помышлениями. А так оставлять его, оно зарастет тернием и волчцами, нечувствием, нерадением и невниманием [Собрание: № 1341, 95–96]. И еще: «Враг всюду сеет свои плевелы... которые кружатся в воздухе и залетают в души тех, кои стоят разинувши рот, т. е. не внимают себе» [Собрание: № 1383, 128]. Этот фрагмент ограничен в тексте письма скобками и подчеркнуто: *разинувши*.

Близки к мыслям святителя Феофана о молитве и его рекомендации, как вообще следует жить, относиться к окружающим, воспринимать жизненные обстоятельства, реагировать на испытания и скорби. Каждое слово, отмеченное на полях опубликованных писем, прошло проверку временем: «В болезни учитесь смирению, терпению, благодушью и Богоблагодарению. Что приходит нетерпеливость, это дело человеческое. Придет — отгонять надо. На то и чувство тяготы положения, чтобы было что терпеть. Если не чувствуется тяготы положения, то и терпения нет. Но когда приходит чувство тяготы и сопровождается желанием ее сбросить, то тут ничего грешного нет. Это естественное чувство! Грех начнется, когда вследствие сего чувства — душа поддастся нетерпеливости и начнет склоняться к ропотливости. Пришло чувство, надо его прогнать. Бога же поблагодарить» [Собрание: № 1343, 97]; «Если верить Промышлению Божию, определяющему участь земную для всякого так, как ему удобнее спастись, то должны верить и тому, что вся ваша житейская обстановка есть самая пригожая вам для устройства вашего спасения» [Собрание: № 1344, 98]; «Что есть соль? Там приточное слово. Как Спаситель толкования не дал Сам, то всякому воля понимать это как рассудит, в назидание себя. Я думаю, что это любовь к Богу — горячая. Соль — гнилость прогоняет, а любовь к Богу — все грешное и Богу противное истребляет. Соль проникает осленное; и любовь проникает все составы душевные, и духовные, и телесные, и всему сообщает прочность и неповрежденность» [Собрание:

№ 1344, 99]; «Что сын ваш ворочался к добрым намерениям, это утешительный признак. Его отступничество навеяно со вне, — бреднями, ходящими среди молодежи. Жизнь среди простых верующих образумит его. Вы же усугубьте молитвы» [Собрание: № 1387, 131]; «Это вам Бог послал, чтоб вы не забыли, что на земле нечего загадывать жить широко. Тесный путь — настоящий путь. Буди имя Господне благословенно во веки!» [Собрание: № 1392, 134].

В письмах святителя Феофана встречаются безнадежные для комментирования случаи, когда подлинным спасением становятся маргиналии Кугушевых. Так, в связи с обращением к Черничке в одном из писем святителя Феофана, адресованном Н. И. Кугушевой, схимонахиня Феофания оставила разъяснение, без которого смысл слов преосвященного так и остался бы неясным. Малопонятные строки не оставляют возможности комментатору понять, о чем идет речь: «Матушка Черничка! Видите теперь, в чем сила? Забыл вам сказать, что весь первый труд обратите на навык владеть черным снадобьем... Возьмите одну фигурку и все ее рисуйте. А то просто, что вздумаете... рисуйте... Отрядите на это клочок, подобный испачканному мною... Когда навыкните владеть черным снадобьем, тогда желтое ничего трудного не представляет». На полях рукой схимонахини Феофании написано: «Рисовать с молитвою по атласу золотом» [Собрание: 20]. Еще один пример. Святитель Феофан писал Н. И. Кугушевой: «Случай в семействе ваших знакомых точно поразителен. Но как тут нельзя не видеть перста Божия, то надо в сем признать особую милость Божию. — Это было самое лучшее для всех их... и так для них устроено». Приоткрыть завесу над таинственным происшествием, о котором сообщила на Вышу Н. И. Кугушева, помогает запись между строк, оставленная И. И. Кугушевым: «Муж и жена младожены умерли, и вслед за ними ребенок» [Собрание: № 1402, 143]. В конце этой записи начертана стрелка; такая же стрелка обнаруживается на следующей странице издания, против слов: «Алексея я поминаю. Буду поминать и Людмилу с Лидиею. Спаси их Господи!» [Собрание: № 1402, 144]. Таковы немногие сведения о случившейся трагедии. Дата письма не известна. В другом не датированном письме № 1405 святителя Феофана есть строчка: «Какая хорошая поговорка старца Амвросия... И — будем терпеть!» [Собрание: № 1405, 145]. Можно предположить, что это ответ на некое сообщение Н. И. Кугушевой. Действительно, И. И. Кугушев внизу страницы

карандашом написал популярные в их семье поговорки преподобного Амвросия Оптинского: «Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия — буду терпеть и я. Жить — не тужить, никого не обижать и никого не осуждать, и всем мое почтение».

Подлинным подарком для комментатора являются поправки, внесенные схимонахиней Феофанией в текст писем восьмого выпуска «Собрания писем Святителя Феофана». Вряд ли владелица экземпляра специально занималась сверкой опубликованного текста с источником. Хотя не исключено, что в тех случаях, когда смысл читаемого смущал, схимонахиня Феофания могла обратиться к оригиналу письма — при условии, что он у нее был: по прошествии времени об этом утвердительно судить невозможно. Однако очевидно, что живая память о ситуации или событии (чем не обладают посторонние читатели позднейших лет) улавливала внимание читавшей; и следовала вносимая поправка.

Публикаторами была искажена фамилия Тарбеевой — духовной дочери и предположительно корреспондента святителя Феофана. Древний русский дворянский род Тарбеевых внесен в Бархатную книгу и родословные книги нескольких губерний, в частности, Тамбовской, на карте которой до сего дня сохранились поселения Старое и Новое Тарбеево. Оставаясь на слуху в семье Кутушевых, фамилия была поправлена (Тарбеева/Тарбеева) в письме № 1245: «За поминание о Тарбеевой я совсем не оскорблялся, а написал вам, что написал, чтобы вы не разгорались несбыточными надеждами. Вы тут ни в чем не виноваты, а виновата Тарбеева, что разболтала, тогда как ей наказано было строго молчать. Бог простит» [Собрание: № 1245, 22]. На полях уточнение: «К Владыке пришла». Известно несколько случаев, когда святитель Феофан принимал или был намерен принять в своей келье посетителя в знак особой благодарности, как было, например, с Варварой Тимофеевной Свиридовой. Она самоотверженно ухаживала по просьбе святителя Феофана за умиравшей княгиней П. С. Лукомской — верным другом преосвященного. «Я бы и принял вас, — написал святитель Феофан Свиридовой 3 сентября 1878 г., — если б вы приехали, хотя никого не принимаю»¹.

В письме к Н. И. Кутушевой от 11 июня 1889 г. святитель Феофан нарисовал впечатляющую картину бедствия: «Так вот у вас как?! Дым ест глаза, — кровля течет, — в окна ветер беспокойный дует: бежать

¹ Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Оп 24. Д. 41. № 4011. Л. 7–8.

надо. — Уж если это неизбежно; надо убежать, коли есть возможность. Благослови Господи, и помоги вам! [Собрание: № 1409, 148]. Проясняет эти загадочные обстоятельства карандашная помета И. И. Кугушева: «Иносказательно, думается».

По смыслу исправлена опечатка, допущенная в письме к Н. И. Кугушевой от 1–2 февраля 1882 г. — продолжали / продолжают: «Испытали вы на Выше скороуслышность Божиею Материею молитвы вашей... и слава Богу! — Стало быть, очи Матери Божией на вас покоились. — Почему не думать, что они и *продолжают* покоиться, — и в сем черпать тепла успокоения под покровом Владычицы!» [Собрание: № 1306, 67].

Еще две смысловые поправки внесены в не датированные письма святителя Феофана. В письме № 1346 поправка делом / делал: «И молитвою не докучайте; можно надоесть. Советуйте ему хоть немного, да молиться утром и вечером, не читая никаких молитв, а так умно очи к Богу возводя. Вечером — Бога поблагодарить за день, утром попросить о дне, — своими словами, как знаешь, — только бы *делал*. И этого довольно» [Собрание: № 1346, 101]. В письме № 1420 поправка охали / ахали: «Не гонитесь за блеском и тем, чтоб другие, смотря на вас, *ахали!* — Тихо и тихо! Без шума и крика, без загадок и строения воздушных замков» [Собрание: № 1420, 159].

Более века эти смысловые ошибки, допущенные при публикации писем святителя Феофана, воспроизводились в последующих изданиях и не были замечены читателями, хотя искажали мысль преосвященного. Яркий пример такого искажения мы видим в письме святителя Феофана к Н. И. Кугушевой от 11 апреля 1882 г.: «Письма ваши получил. Благодарствую. Не отвечал потому, что мы заняты в эту пору были» [Собрание: № 1307, 67]. Только очень внимательный глаз и чуткое ухо могли бы уловить неверный тон: святитель Феофан объясняет задержку ответа на письмо духовной дочери своею занятостью; смущает и личное местоимение во множественном числе — *мы* заняты в эту пору были». Внесенная поправка в экземпляре схимонахини Феофании указывает на характерную ошибку прочтения, допущенную при наборе письма с рукописного источника: заняты / залиты; внизу страницы пояснение: *водой*. Весеннее половодье рек Цна и Выша в начале апреля 1882 г. лишило монастырь связи с Шацком и через его почтовое отделение с другими городами. Отсутствие автографа не помешало обнаружить однотипную ошибку и в письме святителя Феофана к Н. В. Елагину, написанном не-

делей позднее, 18 апреля 1882 г.: «Письмо и книга получены в конце Фоминой», — писал преосвященный. И далее в Афонском издании: «Мы бываем заняты в это время» [Собрание: № 1153, 160]. Ошибка очевидна: задержка в получении письма и книги из Петербурга никак не могла зависеть от напряженной жизни Вышенского монастыря, но произошла именно по причине разлива рек. Аналогичная поправка занята / залиты должна быть внесена и в письмо святителя Феофана от 19 апреля 1881 г., адресованное протоиерею В. П. Нечаеву: «Мы бываем залиты и вам три недели не шлем посылку» [Творения: 254].

Таким образом, принадлежавший схимонахине Феофании экземпляр восьмого выпуска афонского издания «Собрания писем Святителя Феофана», на страницах которого сохранились маргиналии его владелицы и других членов семьи Кугушевых, является авторитетным и богатым источником, дающим разнообразный материал для изучения духовного наследия святителя Феофана, Затворника Вышенского.

Список литературы

- Душеполезное чтение. 1894. Май–июнь.
 Собрание писем Святителя Феофана. Вып. восьмой. М.: Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря, 1901. 228 с.
 Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. Из неопубликованного. М.: Правило веры. 2001. 656 с.
 Щербакова М. И. Письма с Выши. Святитель Феофан и его корреспонденты Кугушевы. М.: Российский писатель, 2018. 160 с.

References

- Dushpoleznoe chtenie* [Soulful reading]. 1894, Mai–iiun'. (In Russ.)
Sobranie pisem Sviatitelia Feofana. Vyp. vos'moi [Collection of letters of St. Theophanes. Vol. 8]. Moscow, Afonskii russkii Panteleimonov monastyr' Publ., 1901, 228 p. (In Russ.)
Tvoreniia izhe vo sviatykh ottsa nashego Feofana Zatvornika. Sobranie pisem. Iz neopublikovannogo [Creations of the saints of our father Theophan the Recluse. Collection of letters. From unpublished]. Moscow, Pravilo very Publ., 2001, 656 p. (In Russ.)
 Shcherbakova M. I. *Pisma s Vyshi. Sviatitel' Feofan i ego korrespondenty Kugushevy* [Letters from Vyshy. Saint Theophanes and his correspondents Kugushev]. Moscow, Rossiiskii pisatel' Publ., 2018, 160 p. (In Russ.)